

Васюкова Марина Валентиновна

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ИРОНИЧЕСКОГО ПОДТЕКСТА ЗАГоловочного комплекса романа "Зелёный шатёр" Людмилы Улицкой

В статье выявляется функциональность иронии в романе Л. Улицкой "Зелёный шатёр". Доказывается, что названия романов и глав, входящих в них, содержат ироническое "притворство", с помощью которого расшифровывается подлинный философско-аксиологический смысл исторических событий, изображаемых в произведении. Ирония приобретает в романистике Л. Улицкой самостоятельный модус художественности. Ироническая насмешка выполняет три основные функции: передачу авторского сознания, характеристику образов и трагестивирование с целью смягчения драматизма и трагизма повествования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 26-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

тоталитарной власти для творческой личности, жаждущей свободы. Поэтому, как показывает анализ, автор-повествователь использует для многоаспектного решения проблемы диссидентства различные приемы создания иронического модуса, применяя каламбуры, иронические антитезы, оксюморонные выражения, юмор, сарказм, столкновение высокого и низменного, грубую просторечность, и утонченную остроумную игру словом, анекдотичность ситуаций, травестирование, интертекстуальность, сличая драматичность повествования и расшифровывая значимость каждого персонажа.

Список источников

1. **Борев Ю. Б.** Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. 575 с.
2. **Литературная энциклопедия терминов и понятий** / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научной информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стлб.
3. **Осьмухина О. Ю.** Скромное обаяние эпохи. «Зеленый шатер» Людмилы Улицкой // Вопросы литературы. 2012. № 3. С. 108-119.
4. **Пропи В. Я.** Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне). М.: Лабиринт, 2007. 256 с.
5. **Улицкая Л. Е.** Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011. 592 с.
6. **Улицкая Л. Е.** Принимаю все, что делается // Вопросы литературы. 2000. № 1. С. 215-237.
7. **Улицкая Л. Е.** Священный мусор: рассказы, эссе. М.: Астрель, 2013. 476 с.

IRONY AS “HERMENEUTICS” IN LYUDMILA ULITSKAYA’S NOVEL “THE BIG GREEN TENT”

Vasyukova Marina Valentinovna
Tambov State Technical University
polymarina@mail.ru

The article is devoted to the study of the types of ironic techniques in Lyudmila Ulitskaya’s novel “The Big Green Tent”. The author-narrator portrays ironically the plot situations, the actions of the heroes, and their characters. The author’s irony focuses on the image of the protagonist Mikha and his friends. The narrator uses a wide range of ironic modus: pun, oxymoron expressions, ironic antitheses, sarcasm, travesty, low-colloquial speech, anecdotal situations, considering irony as a hermeneutic key deciphering the author’s intent.

Key words and phrases: hermeneutics; culture code; irony; ironic implication; travesty; Lyudmila Ulitskaya.

УДК 82-311.4

В статье выявляется функциональность иронии в романе Л. Улицкой «Зелёный шатёр». Доказывается, что названия романов и глав, входящих в них, содержат ироническое «притворство», с помощью которого расшифровывается подлинный философско-аксиологический смысл исторических событий, изображаемых в произведении. Ирония приобретает в романистике Л. Улицкой самостоятельный модус художественности. Ироническая насмешка выполняет три основные функции: передачу авторского сознания, характеристику образов и травестирование с целью смягчения драматизма и трагизма повествования.

Ключевые слова и фразы: ирония; иронический подтекст; символика художественной детали; культурный шифр; скрытая насмешка; заголовочный комплекс; Людмила Улицкая.

Васюкова Марина Валентиновна
Тамбовский государственный технический университет
polymarina@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ИРОНИЧЕСКОГО ПОДТЕКСТА ЗАГЛОВОЧНОГО КОМПЛЕКСА РОМАНА «ЗЕЛЁНЫЙ ШАТЁР» ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ

Роман Людмилы Улицкой «Зелёный шатёр» отличается множеством иронических заглавий, несущих концептуальный смысл.

Мотивная структура романа «Зелёный шатёр» включает социально-философские и мифопоэтические мотивы. Характерно, что иронией пронизаны практически все названия глав произведения Людмилы Улицкой «Зелёный шатёр».

Иронией «веет» от названия первой главы, представляющей собой цитату из известной советской песни «Школьные годы чудесные», в которой непомерно восхвалялась и приукрашивалась советская действительность.

Школа в романе показана как территория острого социального конфликта, где властвуют «пролетарии» с сатирическими (говорящими) фамилиями – Мурыгин и Мутюкин, которые уверены в своей «гегемонии». Эти «два школьных вождя» разделили свой класс «на две враждующие партии» и держали всех «в страхе»

и беспокойстве» [2, с. 16]. Хулиганы постоянно напоминали, что они «нормальные ребята», «самые главные». А «Трианон» – «очкарик, музыкант и еврей», которые увлекались русской литературой, – представляются собой «мусор» [Там же]. В главе «Школьные годы чудесные» Саня Стеклов был покалечен одним из тех «нормальных ребят» и не смог стать музыкантом. «Беда» пришла и к Михе Меламиду: подаренные ему коньки стали косвенной причиной гибели Мурыгина, отнявшего их и попавшего под колеса трамвая. А Миха потом нёс в своём сердце вину за эту нелепую смерть, наложившую трагический отпечаток на всю его дальнейшую жизнь.

Ирония присутствует даже при описании выброшенного на обочину жизни учителя Виктора Юльевича Шенгели (глава «Дом с рыцарем»). Талантливый педагог, подготовивший целое поколение учителей-литераторов, в расцвете лет вынужден уйти из школы, чтобы быть служителем в историческом музее. Из-за того, что он заключил брак со своей бывшей ученицей, его уволили, запретили заниматься педагогической деятельностью.

Учитель Шенгели – один из тех персонажей, которые тайно, через воспитание чувства достоинства борются с тоталитарной системой. Он принимает навязанные ему правила игры, безропотно делает свое дело. Противостояние ему вообще не было присуще ни в юношеском возрасте, ни в зрелом. Читатель понимает это тогда, когда Виктор Юльевич рассказывает о своей военной службе. Но Шенгели – один из четверки главных героев, не способный «делать историю» [1]. «Колесо» событий закрутило Шенгели, а выбраться из этого водоворота он уже не смог.

Глава «Новый учитель», как и главы «Люрсы», «Дом с рыцарем», посвященные Виктору Юльевичу, наполнена внутренней иронией в эпизоде, который не смягчает, а усиливает трагизм пребывания человека на войне и подчёркивает нелепость смерти. В нем рассказано, как будущий учитель Шенгели, будучи девятнадцатилетним пареньком, курсантом Тульского училища, был брошен на фронт. Курсант приказал пожилому ополченцу принести ящик со снарядами, а тот обматерил молодого командира, и в результате Шенгели сам пошел за снарядами в укрытие, и только он остался живым, остальные погибли от взрыва бомбы. Внутренняя ирония в этом эпизоде проявляется в несовпадении цели и результата.

На уровне авторской иронии повествователь высказывается о жизни учителя Виктора Юльевича в поселке Калиново Вологодской области: «Все в Калинове было бедным, в изобилии только нетронутая робкая природа <...> и люди были получше городских, тоже почти не тронутые городским душевным развратом» [2, с. 47]. Здесь ирония логически выражена и создается причастием «нетронутый».

Ироничен авторский комментарий к творчеству Михея. Стихотворение Михи «Смерть Сталина», которое он отдал Виктору Юльевичу, действительно комично, хотя Миха с искренним драматизмом воспринял смерть вождя. Здесь комизм содержания стиха выполняет функцию характеристики образа, показывая Миху наивным искренним человеком.

Комизмом и иронизированием наполнен рассказ Нино о том, как Власти заказывали из Грузии «плакальщиц» по Сталину. Эффект комического возникает из-за столкновения высоких церковных слов с канцелярскими выражениями («официальные представители» власти, «мир потерял», «народ безутешен», «всенародное горе»). Нино очень хотелось запеть охранительную молитву от Бесов, когда она узнала о смерти Сталина: «Да приидет Бог, и расточатся врази Его!» [Там же, с. 62].

На уровне сюжета в рассказе Нино высмеиваются действия властей, то назначающих грузинских женщин для народного плача, который ими назван «языческим воем», то отменяющих его [Там же, с. 69].

Название главы «Новый учитель» тоже несёт ироническую нагрузку, так как речь идёт не только о Шенгели – фигуре уважаемой (драматической в восприятии автора-повествователя), но и об ироническом намёке на то, что после смерти Сталина появится «новый учитель» народа, возможно ещё разрушительнее, чем прежний.

В главе «Дети подземелья», повторяющей название известного одноименного произведения В. Г. Короленко, ирония заложена в подтекст. Заголовок имеет и прямой (сюжетно-архитектонический) смысл, и иронический оттенок, намекающий на рабскую покорность и наивную верность и веру («детская страна») советских людей в доброту и справедливость своих жестоких деспотичных «вождей».

Иронична также позиция повествователя, описывающего «приключения» Ильи во время «невиданной демонстрации» по поводу похорон Сталина. «Горящая» толпа граждан названа драконом со множеством «концов-хвостов» [Там же, с. 64]. На похороны Сталина, казалось, вышел весь советский народ, стремящийся почтить память о существовании «древней породы, из подземного мира <...> с усам» [Там же, с. 56]. Открытая авторская ирония присутствует практически в каждом предложении романа «Зелёный шатёр».

В некоторых главах, посвященных Виктору Юльевичу Шенгели и Михе Меламиду, драматизм в чистом виде преобладает, а разбавляется только комичными в стилистическом отношении стихами Михи. Например, в главе «Последний бал» хор учеников поет гимн, сочиненный Михой в честь учителя литературы. Все рифмы в нём иронично заканчиваются одинаково, символизируя идеологическое единство народа.

«Он многорук и многоглаз,
От смерти каждого из нас
Он хоть единожды, да спас,
И потому идет рассказ
Начистоту и без прикрас,
Да, Виктор Юльевич, про вас!
Вы показали высший класс,
Что в жилах кровь течет, не квас...» [Там же, с. 113].

Иронично символическое название главы «Дружба народов», повествующей о неудачном шпионаже, затеянном иностранцами во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего в Москве в 1957 году.

Название главы «Дружба народов» содержит особый тип ироничного высмеивания, демонстрирующего лицемерно провозглашённую дружбу СССР со всеми народами мира. На самом деле КГБ строго отслеживает дружбу и своих, и иностранных граждан.

В главе «Все сироты» выражение «все сироты» – это определение, которое даёт сталинской эпохе репрессий сестра партийной писательницы Антонины Наумовны, оправдывая её предательство по отношению к родителям. Сталин объявлял себя «отцом народов», а значит, сирот в стране не должно было быть по определению. Таким образом, в названии главы содержится скрытая насмешка над лицемерной ложью вождя, массово уничтожавшего и безвинных, и виноватых в 1930-е годы.

Ироничны названия глав «Отставная любовь» и «Головастый ангел», посвященные теме любви и предательства, а также главы «Орденосные штаны», «Бредень» и «Беглец», в которых говорится о всесии КГБ.

Заглавие главы «Отставная любовь», например, содержит явную насмешку над «любовью жизни» генерала в отставке Афанасия Михайловича, не постеснявшегося продолжить любовные отношения со своей секретаршей Софочкой, вышедшей из заключения, где она, невинная, после подписанного генералом заявления (под давлением КГБ), провела много лет, потеряв здоровье и красоту. Их любовь была «в отставке» около пяти лет, но Софочка простила своего Фешу за все его слабости.

«Головастый ангел» – это двойной ироничный намёк на то, что возлюбленный Тамары Марлен, который воспринимался ею как ангельски чистый человек, оказался излишне «головастым» и преследовал исключительно материальные цели, вступая с ней в любовные отношения. Он не только предал её, но ещё забрал дорогие сердцу Тамары семейные реликвии – картины Врубеля, чтобы поскорее выехать в Израиль с законной женой.

Ирония распространяется и на Тамару, которая, как ангел Врубеля, «вопреки законам геометрии» подняла слишком высоко и резко крыло, придя к христианской вере. В главе «Беглец» утверждается, что «убежать» от всевидящего ока Комитета госбезопасности не удастся никому и никогда. Л. Е. Улицкая иронически изображает диссидентское противостояние власти художника Муратова Бориса Ивановича. С сарказмом повествователь подчеркивает, что ссылка на закон (нет ордера на обыск) не действует на сотрудников «Органов», а вот «Почетная грамота с красной казенной шапкой и профилем “самого великого” оказывает волшебное воздействие [Там же, с. 319], что позволяет опальному оппозиционеру, изображившему Мавзолеем Ленина сделанным из Любительской колбасы, на котором слово “Ленин” было написано связками из сосисок» [Там же, с. 323], временно убежать от стражей порядка в «глубинку» России.

Жизнь в деревне названа персонажем каламбурно – «мимосоветской». Борис Иванович в заброшенном селе сразу перестал «наливаться злобой и сатанеть», как в городе. «Про колбасу Муратову рисовать совсем расхотелось», – иронизирует повествователь, потому что она в этих краях «потеряла свой символический смысл, как предмет давно забытый и полностью вышедший из обихода» [Там же, с. 331].

Характеристика «бабок», оставшихся в деревне, тоже дается автором иронично-юмористическая: они сравниваются то с изношенной одеждой, то со «смирной картошкой», то со «свободными с своих движениях» облаками. Иронически подчеркивается безграмотность деревенских старух, которые празднуют «большой праздник» Введения, а «куда введения и кого введения толком объяснить не могут» [Там же, с. 333].

Иронию как будто создает и сама жизнь: Бориса Ивановича нашли и арестовали через четыре года и дали «всего два года, и статью подобрали удивительную – за порнографию», поскольку он когда-то нарисовал моющихся старух [Там же, с. 340].

Финальная фраза главы построена на ироническом контрасте: все старухи давно умерли – «Все в порядке» [Там же, с. 341]. Заключение передает трагизм жизни и ироническое к ней отношение.

Горькая ирония, переходящая в сарказм, присутствует в главе «Потоп», рассказывающей о другом типе диссидентства: о марксисте Валентине Кулакове, который провозгласил себя «последовательным и настоящим», а всех прочих объявил «окопавшимися извратителями» марксизма [Там же, с. 342]. Валентин Кулаков, пятнадцатилетней отец Марины, был «уперт» в своих убеждениях, искал «точной» правды, проверял показания и сличал тексты. Для доказательства «последовательности» марксизма стал издавать подпольный журнал и передавал его за границу, из-за чего посадили и его жену Зину, которая перепечатывала материалы мужа и в идейном смысле от него не отставала. Марина стала «бессемейной девочкой», общалась только с собакой Герой и не знала, как ей выжить без родителей.

Пережив предательство друзей, изнасилование, она нашла в себе силы вернуться в свою квартиру, которую затопили соседи, и начать все с чистого листа, выкинув книги Маркса и Ленина на помойку: «Потоп! У нас потоп! <...> Я все здесь отмою, я побелю! Все будет белое-белое!» [Там же, с. 356]. И авторская ирония утверждает, что всё сбудется у Марины, ведь никакие трудности не могут переломить сильных духом и умных людей.

Интересную закономерность – переход комического в драматическое – можно наблюдать и в главе «Бедный кролик». Содержание главы подводит к пониманию смысла термина «имаго», введенного в роман «Зеленый шатер» вместе с термином «детскость».

Интеллектуально недалёкий Дулин, став учёным, изучает кроликов, находящихся под воздействием алкоголя. Повествователь намекает, что он сам превратился в «бедного кролика», потому что власть не давала человеку никакого выхода: «Она всегда переигрывает тех, в ком есть честь и совесть», – как говорил врач-психиатр Винберг [Там же, с. 397].

От «пьяных» экспериментальных кроликов Дулину пришлось перейти к экспертизе на вменяемость генерал-майора с фронтовой биографией. Ничипорука Петра Петровича признали антисоветчиком, хотя он создал лояльную к госсистеме организацию СИЛ – союз истинных ленинцев.

Ничипорук критиковал ввод советских войск в Чехословакию, и Дулин понял, что перед ним не сумасшедший, а чудака, но поставил «красивую подпись» под преступным ложным диагнозом. Напившись от угрызений совести «в стельку», Дулин стал ощущать себя «бедным пьяным кроликом» [Там же, с. 408]. Героя оставалось только пожалеть. Но он был честен перед опальным генералом, потому что был наивно уверен, что в психбольнице его действительно вылечат от «странностей».

Сатирические и юмористические приемы, прежде всего ирония, употребляются автором-повествователем и в самой напряженной по драматизму главе «Демоны глухонемые», в которой рассказано об аресте Михи.

Констатируем: резкий и мягкий иронический подтексты романов Л. Е. Улицкой, являющиеся излюбленным средством характеристики персонажей и способом выражения авторского сознания, присутствуют во всех главах и в более резкой или даже в инвективной форме в названиях глав романа «Зелёный шатёр», в которых идет речь о злоупотреблениях и преступлениях властей, направленных против граждан («Дети подземелья», «Дружба народов», «Отставная любовь», «Бредень», «Беглец», «Потоп», «Тень Гамлета», «Демоны глухонемые», «Орденосные штаны»).

Символично, что во всех названиях глав иронический подтекст создается путём обыгрывания «чужого слова»: цитат из классической литературы, высказываний великих людей, слов и выражений, ставших символами эпохи, ярких концептуальных высказываний центральных персонажей.

Список источников

1. Григорьянц С. О «Зеленом шатре» Людмилы Улицкой [Электронный ресурс]. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_softy/18384-o-zelenom-shatre-lyudmila-ulitskoy.html (дата обращения: 19.06.2017).
2. Улицкая Л. Е. Зеленый шатер: роман. М.: Эксмо, 2011. 592 с.

FUNCTIONALITY OF THE IRONIC SUBTEXT OF THE TITLE COMPLEX OF THE NOVEL “THE GREEN TENT” BY LYUDMILA ULITSKAYA

Vasyukova Marina Valentinovna
Tambov State Technical University
polymarina@mail.ru

The article reveals the functionality of irony in L. Ulitskaya's novel "The Green Tent". It is proved that the names of novels and chapters included in them contain an ironic "pretense", with the help of which the true philosophical and axiological meaning of the historical events depicted in the work is deciphered. Irony acquires an independent mode of artistry in L. Ulitskaya's novels. The ironic mockery fulfills three main functions: the transfer of author's consciousness, the characterization of the images and the travesty with the aim of softening the drama and tragedy of the narrative.

Key words and phrases: irony; ironic subtext; symbolism of artistic detail; cultural cipher; hidden mockery; title complex; Lyudmila Ulitskaya.

УДК 821.512.145 003.077

Статья рассматривает текстовую специфику шамаилей – вида татарского национального изобразительного искусства, совмещающего визуальную и текстовую образность, в значительной мере основанного на искусстве арабской каллиграфии и чаще всего имеющего сакральное значение. В рамках исследования проведен анализ содержания ряда шамаилей из коллекции Национального музея Республики Татарстан, осуществлена их классификация, рассмотрены некоторые культурные, социальные и языковые предпосылки этого явления.

Ключевые слова и фразы: шамаили; татарское искусство; арабская каллиграфия; тексты шамаилей; сакральные тексты; арабографические шамаили; татарские шамаили.

Гилемшин Флер Фоатович, к. филол. н., доцент
Академия наук Республики Татарстан, г. Казань
Fler.Gilemshin@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВОГО СОДЕРЖАНИЯ АРАБОГРАФИЧЕСКИХ ШАМАИЛЕЙ КАЗАНСКИХ ТАТАР

Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительства Республики Татарстан научного проекта № 16-14-16024 а(р).

В культуре и повседневной жизни поволжских, или казанских, татар шамаили занимают особое место, связанное как с религиозно-культурной стороной жизни данного народа, так и с художественным творчеством и национальной культурой быта. По своей сути шамаили представляют собой полотна со стилизованными